

ТЕКСТЫ А.ПЛАТОНОВА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК A.PLATONOV'S TEXTS AS A LINGUISTIC SOURCE

Зализняк Анна А. (anna-zalijnjak@mtu-net.ru)
Институт языкознания РАН

В статье демонстрируется, как языковые аномалии в текстах А.Платонова, которые до сих пор исследовались исключительно как источник сведений о поэтическом мире автора, могут быть использованы в качестве источника нетривиальной информации о семантических, сочетаемостных и категориальных свойствах слов русского языка.

Язык Андрея Платонова представляет собой удивительный феномен. Одна из его выдающихся особенностей состоит в том, что этот язык одновременно легко узнаваем и очень трудно имитируем. Действительно, почти любая фраза из произведений Платонова (я имею в виду художественную прозу 20х – 30-х годов) может быть опознана как принадлежащая этому автору. Однако попытки имитации особенностей его стиля обычно оказываются неудачными. Так, например, сконструированные Т. Б. Радбилем фразы *Дай мне прозрачную жидкость, предназначенную для питья; Человек сел на среднюю часть спины лошади* в качестве образцов языка Платонова [Радбиль 2007: 281], на мой взгляд, таковыми никак служить не могут: именно Платонов так никогда бы не сказал. Заметим, что в нашумевшем в свое время сборнике пародий «Парнас дыбом» [Паперная, Розенберг, Финкель 1927], задуманном как своего рода исследование стиля разных писателей (от Гомера до Окуджавы), пародии на Платонова нет – хотя особенность его языка настолько бросается в глаза, что, казалось бы, идея пародии напрашивается сама собой¹.

Другой не менее удивительной особенностью языка Платонова является его понятность (ср. [Дмитровская 1988: 108], [Стернин 1999: 154]). Более того, он ловит в ловушку читателя, у которого создается впечатление, что для того, чтобы говорить на языке и быть понятным, вовсе не нужно соблюдать правила. Это, конечно же, ложное впечатление. Как мне кажется, именно по этому ложному следу направляет Платонов тех исследователей, которые трактуют его язык как «язык мысли», «язык смысла», праязык, дологический, внелогический, мифологический и т.д. язык, не различающий никаких категорий (которые различает обычный язык), не имеющий никаких презумпций и т.д. Это ложное впечатление – хотя, возможно, именно оно и входит в *intentio auctoris* (я имею в виду трихотомию Умберто Эко «*intentio auctoris – intentio operis – intentio lectoris*» [Еко 1990], к которой я еще вернусь).

Впечатление от текстов А. Платонова очень точно, на мой взгляд, описал Ю.И.Левин в статье [Левин 1990], обозначив его как «единство формы и содержания». Действительно, вышеупомянутое единство в текстах Платонова, столь велико, что занимаясь *синтаксисом*, исследователь, сам того не замечая, переходит к *смыслу* и – *далее*. Именно этому «далее» (т.е. онтологии и мифологии его поэтического мира), и посвящена фактически вся литература о Платонове, – которая на сегодня уже практически необозрима.

Цель настоящей работы иная. Она состоит в обнаружении и описании тех правил русского языка, которые язык Платонова нарушает (ср. [Падучева 2007]). Дело в том, что эти правила иногда оказываются столь тонкими и сложно формулируемыми, что без помощи Платонова мы, возможно, никогда бы и не догадались о их существовании. Приведу пока только два примера. Первый: *мужик ложился вниз и как можно скорее плакал* (К)². Здесь причина аномальности состоит в том, что глагол *плакать* не является видовым коррелятом к *заплакать*, потому что не может заменять глагол *заплакать* в контексте обязательной имперфективации (см. [Зализняк, Шмелев 2001]), в данном случае – итеративном, ср. допустимое, например, *...ложился вниз и как можно скорее*

¹ Однако «чисто платоновские» выражения встречаются у других авторов, порой весьма неожиданным образом. Приведу два примера:

Лида кричала, что ему, старику, следует думать о своей науке, а не о паршивых девицах,... что она поражена *низменными уклонами* своего отца (М.Зощенко. Возвращенная молодость)

Здесь ненормативное словосочетание *низменные уклоны* возникло из «наложения» стандартного *низменные наклонности* и актуального в ту эпоху слова *уклон* (в политическом смысле). Второй пример – фраза *Вы в работе должны показывать весь ум своего мышления* из пародированной речи советского начальника в повести Владимира Кантора «Крокодил».

² При отсылке к произведениям Платонова используются следующие сокращения: К – «Котлован», Ч – «Чевенгур», СИ – «Семья Иванова».

засыпал. Если бы глагол *плакать* был видовым коррелятом для *заплакать*, то он обладал бы, в частности, и способностью этого глагола приобретать необходимую в данном контексте сему контролируемости – как происходит, например, в случае с глаголом *засыпать*, который, будучи коррелятом к *заснуть*, с той же легкостью приобретает под влиянием контекста дополнительную сему сознательного приложения усилий. При этом следует добавить, что видовая коррелятивность глагола *заплакать* составляет определенную проблему для русской аспектологии, и цитированный выше пример из «Котлована» является важным аргументом в пользу непарности этого глагола.

Второй пример: *тицетно и смутно было вокруг*. Не говоря о том, что значение этого выражения абсолютно понятно несмотря на его абсолютную аномальность, здесь обращает на себя внимание следующее обстоятельство, касающееся слова *вокруг*. Что *вокруг* не может быть *тицетно* и *смутно*, не вызывает ни сомнения, ни удивления (*смутно* бывает только *на душе*, и то это несколько сдвинутое употребление, а *тицетно* даже и на душе, строго говоря, быть не может). Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что *вокруг* не может быть также, например, *холодно* или *жарко*. Можно сказать: *здесь тоскливо*; *здесь скучно*, но нельзя *??Вокруг было тоскливо*, **Вокруг было скучно*. Т.е. слово *вокруг* привносит дополнительную составляющую физического пространства, которой нет в *здесь*. Таким образом, оказывается, что *вокруг* не может быть никак в смысле внутреннего состояния, а может быть только то, что человек видит (или слышит) в окружающем его пространстве, ср. *вокруг было пусто, темно, светло, полно народу, безлюдно, тихо и красиво, тихо и спокойно, шумно* и т.п.³ Здесь напрашивается вывод о том, что внешнее по отношению к человеку пространство оказывается, в мире Платонова, внутри человека, но он уже сделан исследователями; можно считать, что употребление слова *вокруг* его подтверждает, но меня в данном случае интересует значение этого слова в русском языке: то, что слово *вокруг* обозначает лишь воспринимаемое человеком зрительно пространство – это неожиданный, на мой взгляд, результат.

Итак, в данной работе ставится нетрадиционная для платоноведения задача: не «в мир Платонова через его язык» (ср. название книги [Михеев 2003], а также статьи [Левин 1990] и книги [Dhooge 2007]), а в некотором смысле наоборот, «в мир русского языка через язык Платонова». Другими словами, я хочу обратить внимание лингвистов на то, что язык Платонова – это бесценный источник сведений об устройстве русского языка.

Все, о чем я буду говорить, не выходит за пределы *intentio operis*. Предлагаемая мною модель исходит из того, что язык Платонова – это не «недо-язык» ни в каком из перечисленных выше смыслов, а что это артефакт, *Kunststück*, созданный (насколько намеренно, осознанно и т.д. – не имеет никакого значения, как я уже сказала, проблематика *intentio auctoris* вообще выводится за рамки рассмотрения) при помощи множества нарушений языковых правил и конвенций разного типа, т.е. он является вторичным, производным по отношению к стандартному русскому языку. Моя задача – лишь описать эти правила и конвенции.

Среди работ, посвященных собственно языку Платонова, назову три статьи, в которых производится убедительный собственно лингвистический анализ – [Левин 1990], [Кобозева, Лауфер 1990], [Бобрик 1995], книгу [Дооге 2007] и особенно диссертацию [Tsvetkov 1983], которая содержит, по-видимому, наиболее пронизательный анализ механизмов Платоновских языковых нарушений, который до сих пор предлагался⁴. Вообще надо сказать (и это обстоятельство послужило одним из стимулов написания данной статьи), что чтение литературы о Платонове, поражает, с одной стороны, тем, насколько произвольно толкуются его «нестандартные словосочетания» и, с другой, насколько предлагаемые толкования иногда оказываются менее понятны, чем само толкуемое выражение. Первое обстоятельство легко объясняется в рамках рецептивной поэтики (согласно которой любое художественное произведение является «открытым» – в том смысле, что читатель имеет не меньше прав на интерпретацию текста, чем создавший его автор, ср. *intentio lectoris*). Что касается второго, то, на мой взгляд, в какой-то степени оно объясняется известным принципом о том, что «сложное понятней им» – который, переводя на язык науки, можно переформулировать примерно таким образом, что имплицитность некоторой части обрабатываемой информации есть ингерентное свойство того вида человеческой когнитивной деятельности, которая осуществляется при помощи языка и результаты которой до какой-то степени в нем отражены. «Вытаскивая наружу» смыслы, присутствующие в выражении в неявном виде, мы неизбежно искажаем тот объект, который мы исследуем. Другими словами, некоторые вещи в принципе нельзя выразить явно: их можно только «имплицитировать»⁵.

В работе [Зализняк, Левонтина 1996] уже высказывалась мысль о том, что степень имплицитности выра-

³ Я здесь обобщаю данные Национального корпуса русского языка.

⁴ Главный недостаток работы А.П.Цветкова – ее недоступность: она существует как диссертация, защищенная в Мичиганском университете в 1983 г. (т.е. даже не в электронной версии), и больше никак. Я благодарна Бену Дооге, предоставившему в мое распоряжение сделанную им лично ксерокопию этого замечательного труда.].

⁵ Поэтому толкование довольно часто оказывается менее понятным, чем толкуемое выражение, и тому есть достаточно серьезные причины (см. обсуждение этой проблемы в [Зализняк, 2006]).

Тексты А. Платонова как лингвистический источник

жения некоторого смысла в семантической структуре слова является неотъемлемой частью его значения, и в силу этого и переводной эквивалент, в котором степень имплицитности тех же смысловых компонентов иная, и перифраза на каком-либо языке (в том числе семантическом, т.е. толкование), эксплицирующая как все содержащиеся в слове семантические компоненты, так и их коммуникативный статус *ipso facto* искажают значение толкуемого слова. Высказанный пессимизм относительно возможностей аппарата толкований никак не означает, естественно, что от него надо отказаться (просто эту ограниченность следует осознавать).

Впрочем, целью настоящей работы и не является толкование. Цель, как уже говорилось, состоит в том, чтобы предложить научному сообществу взгляд на являющийся язык Платонова как на источник сведений о русском языке.

Начну с очень существенной оговорки, касающейся выражения *язык Платонова*. Как мне кажется, здесь имеется одно недоразумение, связанное с тем, что слово *язык* в основном значении (*русский, английский* и т.д. *язык*) и в значении, реализующемся в конструкции *язык Пушкина, Шекспира, Платонова* и т.д. обозначает объекты различного семиотического типа. Это обстоятельство имеет ряд важных следствий; например, только от слова *язык* в первом значении образуется прилагательное *языковой*, и только по отношению к нему осмысленно сочетание *языковая концептуализация*. Говоря о языковой концептуализации, обычно имеют в виду то обстоятельство, что в словах и конструкциях естественного языка отражен определенный способ видения мира, отдельных его фрагментов и свойств (присущий носителям этого языка). Субъектом этой концептуализации является, в некотором смысле, сам язык – а именно, в том смысле, что естественный язык существует «сам по себе» и функционирует не контролируемым человеком образом. С другой стороны, язык является «субъектом» в том смысле, что он «навязывает» заложенную в нем концептуализацию мира говорящим на этом языке (которые, сами того не замечая, принимают некоторые представления о мире как сами собой разумеющиеся лишь в силу того, что они пользуются данным языком).

Объект, обозначаемый как *язык Платонова*, совсем другого рода. Прежде всего, это артефакт. И специфический способ концептуализации мира, из него нами извлекаемый, принадлежит не языку, а человеку, его создавшему. Тем самым это совокупность смыслов определенного типа, созданная одним человеком определенным способом; это можно назвать «концептуализацией Платонова»; его «поэтическим миром» или просто «миром», но это не есть «языковая концептуализация».

Мы не будем останавливаться на классификации типов аномалий у Платонова (см. об этом, в частности, [Радбиль 2006], [Dhooge 2007]) и ограничимся лишь сочетаемостными аномалиями в широком смысле. Специально обратим внимание на то, что у Платонова практически нет неологизмов – что отличает его от большинства других языковых экспериментаторов той эпохи.

В языке Платонова имеется несколько механизмов, порождающих сочетаемостные аномалии (некоторые из них могут действовать одновременно): (1) **подстановка** (вместо некоторого слова его синонима), и это основной механизм, определяющий облик платоновского языка; далее: (2) **склеивание двух конструкций** в одну; (3) **анаколуп** (или **силлепсис**: когда одно слово употреблено сразу в двух значениях, потому что оно связано с двумя словами, которые требуют двух разных значений, типа *шел дождь и два студента*, но гораздо тоньше; иногда это вообще почти незаметно, как в *проводжали с любовью, сожалением, с песнями и вином* (СИ)); (4) **рассогласование категориальных признаков** слов синтаксически связанных слов; (5) **ресемантизация идиом** (ср. *он стал мне близким* (СИ) вместо стандартного *мы стали близки*).

Механизм **подстановки** состоит в следующем. Некоторые два слова могут быть в каком-то типе контекстов (квази)синонимичны и до какой-то степени взаимозаменяемы; ср. *разлука* и *расставание*: *перед разлукой они обнялись* и *перед расставанием они обнялись*. Однако в других контекстах в стандартном русском языке употребляется только одно из двух этих слов, так, можно сказать *три года они жили в разлуке*, но нельзя **три года они жили в расставании*. А Платонов именно так и говорит. Иными словами, на основании того, что некоторое слово может быть заменено на свой синоним в некотором одном контексте, оно заменяется на этот синоним в другом, в котором оно в стандартном русском языке употреблено быть не может (при этом допускается еще и синтаксическая деривация по Куриловичу и некоторые другие типы трансформаций). В этом и состоит прием подстановки⁶. Так, словосочетание *разлука с жизнью* возникает из стандартного сочетания *расстаться с жизнью* в результате применения двух операций: 1) синтаксической деривации (*расстаться* → *расставание*) и 2) замены одного синонима другим (*разлука* вместо *расставание*).

Другой пример: *давно не находился в реке* (Ч). Сочетание *быть в* синонимично *находиться в* определенном круге контекстов, ср. *Петя сейчас в Германии* = *Петя сейчас находится в Германии*; *я никогда не был в столь дурацком положении* = *я никогда не находился в столь дурацком положении*. Однако, например, в предложении *Петя не был в Англии* заменить *был* на *находился* никак нельзя (а Платонов именно это и делает). Все это наво-

⁶ Этот прием был впервые выявлен и описан А.П.Цветковым [Tsvetkov 1983]. Ср. также операцию «замены» в [Кобозева, Лауфер 1990].

дит на размышления об особенностях семантики и порождаемых ею ограничениях сочетаемости глагола *находиться*: утверждения о том, что предикат находится «абстрактный» и требует «абстрактной локализации» явно недостаточно, здесь необходим гораздо более тщательный анализ.

Прием **склеивания** конструкций очень близок к подстановке; собственно, он отличается от нее лишь тем, что замещенный квазисиноним сохраняет свой «след» в виде модели управления, несвойственной реально присутствующему в тексте слову-заместителю. Например: *стал заботиться над разведением костра* (К). Здесь «склеены» две конструкции: *трудиться над чем-то* и *заботиться о чем-то* (опущенное *трудиться* оставило по себе «след» в форме управления *над чем-то*)⁷.

Другой пример: *ему никто не возражал здесь находиться* (К). Глагол *возражать* имеет модель управления <против чего-то> или <чтобы кто-то что-то сделал>. Замещенный глагол, управляющий инфинитивом, мог быть, например, *запрещать* <кому-то что-то делать>; здесь однако может быть «восстановлен» и какой-то другой глагол, управляющий сочетанием <дат. + инф.> (например, *препятствовать, не давать*); строго говоря, в данном случае (и таких много) у нас нет оснований восстановить именно тот, а не другой глагол; т.е. здесь достаточно некоторой абстракции «семантика + модель управления» в духе книги [Апресян, 1967].

Интересен следующий пример, где видна «техника» процедуры «склеивания», так как он представляет собой некий промежуточный результат: *чтобы не вспоминать и не мучиться о матери* (Ч). «Окончательный» результат был бы: *чтобы не мучиться о матери*, где слово *мучиться* возьмет себе валентности вытесненного им *вспоминать* (и именно таких примеров у Платонова очень много, ср.: *я вдалеке томился о них* (К), т.е. *думал о них + томился*, ср. также выше).

Частный случай склеивания представляют собой примеры типа *горевал головой в ладони* (где «склеиваемые» элементы – не квазисинонимы, а метонимически связанные концепты; здесь также одно из двух слов опускается, оставляя по себе «след» в виде зависимого компонента *в ладони*)⁸. На факт наличия «склеивания» указывает именно нарушение сочетаемости, которое может быть как совершенно очевидным, так и весьма тонким, ср. аномальность не только у *него уже загодя болел живот* (К), где речь идет о неконтролируемой ситуации, но и *присутствовали на собрании уже загодя*: *загодя*, как и *заранее*, можно лишь совершить действие, т.е. например, прийти, но не находиться в помещении.

Во всех таких случаях помимо значения двух участвующих в игре языковых единиц, из их взаимодействия обычно возникает еще некий новый, третий смысл, иногда трудноопределимый и трудноуловимый. Данное явление, само по себе весьма интересное, находится, однако, за пределами основного сюжета данной работы, поэтому мы на нем здесь останавливаться не будем.

Наибольший интерес для исследователя русского языка представляют случаи анаколупа (которые поставляют материал для уточнения существующего разграничения лексических значений) и случаи рассогласования категориальных признаков, которые выявляют ограничения сочетаемости, иногда весьма нетривиальные.

Приведем некоторые примеры рассогласования категориальных свойств элементов словосочетания. Так, во фразе *пошел в этот город жить* (К) оно состоит в том, что *жить* – абстрактный глагол, а *идти* в конструкции с инфинитивом – конкретный (в *пошел в солдаты* – он абстрактный). Поэтому можно сказать *пошел ночевать к приятелю* (оба действия конкретные), можно *переехал жить в этот город* (оба – абстрактные), а *пошел в этот город жить* – нельзя.

Другой пример: *дошел до конца города*. Категориальное нарушение здесь состоит в том, что у *города* нет *конца*: В рамках той концептуализации мира, которая закреплена в русском языке, *деревня* – такой объект («длинный»), у которого есть конец (поэтому можно *дойти до конца деревни*), а *город* – это «круглый» объект, у которого конца нет (ср. [Рахилина, 2000: 247]⁹). С другой стороны, по-русски говорят на другом конце города, *в разных концах города*, *изъездить город из конца в конец* и т.п. эти сочетания поддерживают/обеспечивают внешнюю легитимность выражения *дошел до конца города* (но все же не снимают его аномальности).

Результатом данной работы должен стать фрагмент словаря русского языка с нетривиальными сведениями о их синтаксисе и семантике: таксономическая категория (собственная и требование на таксономическую категорию актанта; возможно, обнаружатся некоторые новые таксономические категории), некоторые нетривиальные сведения о модели управления, сведения о сочетаемости (например, что *замертво* можно только *упасть*,

⁷ Ср. также примеры «совмещения синонимов» из [Кобозева, Лауфер, 1990: 131]: думается разное в голову (совмещены думать и приходиться в голову).

⁸ Пример из статьи [Кобозева, Лауфер, 1990: 129], где такие случаи называются «двойной категоризацией»; ср. другие примеры: *пристально интересуясь рыцарем* (т.е. «пристально глядела, интересуясь»); *истребил ее [записку] на четыре части* (т.е. «истребил, разорвав»).

⁹ Обратим внимание на то, что по-русски *конец города* сказать нельзя, хотя, существует дорожный знак (название города, перечеркнутое красным), обозначающий как будто именно «конец города такого-то».

Тексты А. Платонова как лингвистический источник

и так сказать можно только о живом существе), которые следовало бы включить в некий гипотетический супер-словарь русского языка, где отражены все релевантные лексические и грамматические свойства русских слов. Очевидно, что это будут необычайно ценные сведения о русском языке, которые должны быть использованы как минимум, в толковых словарях и в лингвистических базах данных (включая семантическую разметку корпусов, ср. [Кустова и др. 2005]).

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
2. Бобрик М. Заметки о языке Андрея Платонова // Wiener Slawistischer Almanach 35(1995).
3. Дмитриевская М.А. «Переживание жизни»: о некоторых особенностях языка А. Платонова // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
4. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. Отражение национального характера в лексике русского языка (размышления по поводу книги: Anna Wierzbicka. Semantics, Culture, and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. N.Y., Oxford, Oxford Univ. Press, 1992). // Russian Linguistics, vol. 20, 1996.
5. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Типы видовой связи // Труды международного семинара Диалог-2001 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Аксаково.
6. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
7. Кустова Г.И., Ляшевская О.Н., Падучева Е.В., Рахилина Е.В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: современное состояние и перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003-2005. М.: Индрик, 2005.
8. Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А. Платонова) // Семиотика и информатика. Вып. 30. М., 1990.
9. Меерсон О. «Свободная вещь». Поэтика неостранения у Андрея Платонова. Berkeley Slavic Specialities, 1997.
10. Михеев М.Ю. В мир А.Платонова через его язык. М., 2003.
11. Падучева Е.В. [рец.] Т.Б. Радбиль. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: МПГУ, 2006. // Русский язык в научном освещении, №14, 2007.
12. Паперная Э.С., Розенберг А.Г., Финкель А.М. Парнас дыбом. Харьков: Космос, 1927.
13. Радбиль Т.Б. «Парадоксы неконвенциональности» и язык Андрея Платонова // Die Welt der Slaven LII, 2007, 281-298.
14. Рахилина Е.В. «Без конца и без края» // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.
15. Стернин И.А. 1999 – «Язык смысла» Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 13. Воронеж, 1999. С.154-161.
16. Dhooze В. Творческое преобразование языка и концептуализация мира у А.П.Платонова. Диссертация на соискание степени доктора восточно-европейских языков и культур. Gent, 2007.
17. Eco U. I limiti dell'interpretazione. Milano: Bompiani, 1990.
18. Tsvetkov A.P. 1983 – The language of A.Platonov. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy (Slavic Languages and Literatures) in the University of Michigan, 1983.